

Признание «нудного» писателя

СОБЕСЕДНИК

Вячеслав Пьецух – известный прозаик, эссеист. Окончил исторический факультет МГПИ имени Ленина. Около 10 лет работал школьным учителем. Публикуется с 1978 года. В 1993 – 1995 годах – главный редактор журнала «Дружба народов». Автор книг прозы «Алфавит», «Весёлые времена», «Центрально-Ермолаевская война», «Новая московская философия», «Предсказание будущего», «Я и другие», «Русская тема» и многих других. Лауреат Новой Пушкинской премии в номинации «За совокупный вклад в отечественную культуру» (2007 год).

Про себя писатель Вячеслав Пьецух говорит коротко и ясно: «Пишу всё, кроме стихов и доносов», а если его попросить дать «развёрнутый» ответ, то услышишь следующее: «...тихо делаю своё дело. Подзреваю, что, возможно, один из лучших современных писателей в России, но не из тех, кого обязаны знать, меня могут не знать по определению, я – писатель нудный, вездливый, в общем, малоинтересный». Наверное, именно за эту «малоинтересность» Вячеслав Пьецух с его ироничным интеллигентным отношением к миру, России и нам, россиянам, уже давно стал любимцем литературных критиков. Признание живым классиком стоит многого – если измерять это «по гамбургскому счёту». Прозу Пьецуха уже давно растаскивают на анонимные цитаты, афоризмы и высказывания. О нём говорят и о нём пишут.

А нам довелось не только увидеть «живого классика» своими глазами (Вячеслав Алексеевич был гостем XI выставки-ярмарки «Книжная культура Ярославского края»), но и побеседовать с ним.

Разговор Вячеслав Алексеевич начал сам, попросив разрешение прочитать «пару строк». Этими строками оказались несколько новых, ещё не опубликованных историй, входящих в единый литературный цикл «Русский анекдот». Заданная писателем тема дала откровенную точку нашей беседе.

– Ещё совсем недавно анекдоты были так популярны, что их рассказывали по поводу и без оного. А сейчас по-настоящему смешных анекдотов почти не услышишь.

– С одной стороны вы правы: сейчас вся культура ушла в песенки, потворствующие половому созреванию. Тут уж не до смеха. Но с другой стороны культура анекдота, на мой взгляд, не только никуда не делась – она процветает! Могу вам доказать на наглядном примере, и этот анекдот самого высокого полёта сочинил отнюдь не я, а простой народ. Итак...

Умер алкоголик. Гражданская панихида. Вокруг гроба усопшего стоят скорбящие друзья-собутыльники. Один говорит другому: «Ты только посмотри, как этот мерзавец хорошо выглядит в гробу...» – «Ещё бы, третий день не пьёт...».

– Один из критиков пишет, что ваши «Русские анекдоты» возвращают анекдот в литературу, а литературу – к анекдоту. И в качестве примера приводит «Скверный анекдот» Достоевского. А как вы относитесь к Достоевскому?

– Как всякому человеку, считающему себя культурным, мне он бесконечно близок. Опять же процитирую самого себя. Один мой персонаж выпивает с другом и, не зная с чего начать разговор, говорит: «Толстой велик и светел, Достоевский велик и затхл». Это отчасти и моё личное отношение к этому великому писателю.

– Почему затхл?

– Подпольем пахнет, сыростью от любой его вещи.

– Тогда в продолжение темы: составьте литературный рейтинг «от Пьецуха» – кто ближе, кто дальше?

– Самая классическая номинация – литература. Начиная с Пушкина. Просто к числу гениев от литературы, создавших одну

Фото Вячеслава ПЬЕЦУХА ЮРАСОВ

из величайших художественных культур, каковой я считаю русскую культуру, я добавлю Лескова и Пришвина. К слову, давеча на Александра Сергеевича я навёл жесточайшую критику, вырезав из разговора его «Евгения Онегина». В «Литературоведении против часовой стрелки» я подверг сомнению основные пристрастия русского читателя – вышеупомянутого «Онегина», «Мастера и Маргариту» и «Доктора Живаго».

– Уж если вы замаяхнулись «на Вильяма нашего Шекспира», то кого из современных писателей вы бы отметили?

– Андрея Битова..., но он уже не пишет. Настоящий писатель Владимир Маканин, только, по меткому выражению Горького, писатель он от ума, а пишет поленом. Больше, пожалуй, некого назвать. Обеднела русская литература. Но ладно писатели – они ещё худо-бедно, но остались. А вот читатель просто вымер как стеллерова корова. Так что проблема современной литературы – это в первую очередь проблема читателя. Впрочем, в минуту душевной смуты я себя спрашиваю: чем ты занимаешься? Уже выросло два поколения, которые смутно представляют, кто такой Пушкин, а ты тут пишешь что-то, дурака валяешь. Ведь всё написано, на все вопросы найдены ответы, включая роковые русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?»

– И кто виноват?

– Все виноваты.

– А что делать?

– Сухари сушить.

– Есть мнение, что творческий потенциал России скудеет, и с тем, что «может собственных Неронов земля российская рождать», намечаются некоторые проблемы... Что вы думаете по этому поводу?

– Я вообще придерживаюсь пессимистической точки зрения и считаю, что сейчас идёт расцвет того процесса, который я называю «деволюция». Я придумал это слово, чтобы обозначить обратное развитие: не от макаки к Достоевскому, как было примерно до середины XX столетия, а наоборот – от Достоевского к макаке... Именно на этом зиждется целый ряд неприятных явлений, на которые вы обратили внимание. Сегодня мы наблюдаем редкое по глубине падение нашего русского театра, русской драматургии, небывалое падение русского кинематографа... – какой отрасли художествен-

ной деятельности ни коснись, этот феномен прослеживается везде. И перспектива наша на этом фронте достаточно печальна. А между тем какой взлёт мы переживали в одну из самых страшных эпох нашей родной истории – во времена так называемой советской власти! Это наталкивает на формулу, что в России чем страшнее жизнь, тем прекраснее песни.

– А что же делать?

– Так сухари сушить!

– Существуют ли какие-либо отношения (внимание, влияние, запреты и прочее) в настоящее время между властью и писателями или эти отношения выстраиваются по принципу «минуй нас пуще всех печалей...»?

– Не знаю. Может быть, и есть случаи, когда писатели и власть общаются между собой более-менее тесно, но меня это никак не касается. Лично меня в этой жизни интересуют только литература и моя собственная жена. Что до отношений с властью, то председатель Совета Федерации Сергей Миронов каждый год мне присылает поздравительные телеграммы «сверхмолнии». Я состою в приятельских отношениях с Михаилом Горбачёвым. Наше знакомство началось в мою бытность главным редактором журнала «Дружба народов». Предыдущее руководство так крепко обокрало журнал, что у нас на счету были одни нули. И тогда я не придумал ничего лучшего, как напрямую обратиться к Михаилу Сергеевичу с просьбой помочь журналу. Горбачёв денег дал, и журнал продолжает существовать по сей день, а мы с Михаилом Сергеевичем – приятельствовать. Что до влияния власти на писателей..., так я и при большевиках писал только то, что хотел, и что самое удивительное, печатался. И сейчас пишу, что хочу, и тоже печатаюсь. Разница лишь в том, что при большевиках богаче меня были только рубчики мяса с Привоза, а при демократах я гол как сокол.

– При вашей независимости от властей как вы относитесь к литературным премиям и какой бы премии хотели удостоиться сами?

– Нобелевской, но мне её никогда не дадут. Мне даже Государственную премию не дали, хотя я шесть лет был членом комитета по Госпремиям и сам давал эту премию разным хорошим людям. А когда выдвинули меня, то, увы... – не дали. Мне за всю жизнь вообще дали только две премии – первая была американской и называлась витеватто «Премия атлантического побережья за лучший иностранный рассказ», а вторая – Пушкинская, которая существует с начала XIX века, и среди её лауреатов – Куприн, Бунин... словом, я попал в очень хорошую компанию. Вообще я к премиям отношусь очень меркантильно – это, единственный способ выживания, потому что каждая из написанных книжек приносит мне 25 тысяч рублей. А пишу я кни-

гу, допустим, пять лет. Вот красная цена литературного труда и отношение общества к писателю. По всему получается, что писатель – это городской сумасшедший, который занимается тем, что никто не считает за труд. Разгрузить вагон силикатного кирпича – это труд, а написать книгу – нет. И между тем это едва ли не самое полезное из всех мыслимых занятий, потому что способствует воспитанию души.

– Но отчего тогда все, кому не лень – богатенькие девочки с Рублёвки, малограмотные мальчики из бесконечных телевизионных шоу – все норовят в писатели податься, если профессия эта так не престижна?

– Не то, чтобы профессия не престижна, а дело в том, что профессии такой сейчас просто нет, если мы условимся называть профессией то, что обеспечивает хлеб насущный. А пишут все, кому не лень, потому что у нас – всеобщая грамотность, и печатают всё, что ни попадя, по той простой причине, что это очень доходное дело. Вот, к примеру, написала ты инструкцию, как стать женой миллионера и попасть на Рублёвку, и вышла эта инструкция миллионным тиражом, а платят тебе так: допустим, книга стоит 150 целковых, тогда рубль пятьдесят с книги – твои. Умножай на миллион... Выгодно, но к литературе не имеет ни малейшего отношения.

– Где вы получили прививку против мата и современного сленга, в котором подчас тонут даже неплохие современные писатели, и как вы умудряетесь говорить на современные темы, оставаясь при этом в рамках прекрасного русского языка?

– Я много читал и читаю, хотя трагедия моего возраста заключается в том, что всё уже прочитано, и остаётся только перечитывать. Однако я записан во все крупные московские библиотеки... Сам я из предельно простой семьи: отец был военнослужащий, мама работала на заводе. И при всей дикости моей фамилии (она польского происхождения, от слова пьец – печка, стало быть, пьецух – человек, лежащий на печи) я – глубоко русский человек, тем более что русский – это не национальность, а настроение.

– Какое из ваших произведений вам наиболее близко?

– Как правило, последнее, особенно, пока вещь ещё не написана. Предыдущие я, случается, даже забываю.

– Известный в Ярославле культуролог Евгений Ермолин назвал вас как-то «последним русским человеком». Насколько вы согласны с этой оценкой?

– Я себя ощущаю ещё более нескромно и называю не иначе, как «последний вздох русской культуры».

– Вас считают продолжателем традиции русской литературной классики, а классики, как известно, чашенько писали о России, живя за рубежом. На какой бы стране, случись выбирать, вы остановили свой выбор?

– Россию я, конечно, не люблю, но остаток пространства я не люблю ещё больше. А кроме шутки, никуда и ни при каких обстоятельствах я бы никогда не уехал. Я достаточно поездил и нигде не чувствовал себя так уютно, как в своём родном Ясенево. Я человек в этом отношении бесповоротный и даже, пусть это нехорошо и нешироко, но с лёгким пренебрежением отношусь к творческим людям, которые уехали за пределы своей Родины, преспокойно там существуют и даже не считают это зазорным. Всякое дарование – глубоко национально, и с этим ничего не поделаешь. Коль ты отравлен своим Отечеством, то писать можешь только под воздействием этой отравы, которая называется «ужасы милой Родины».

Беседовала Лариса ДРАЧ.